

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-4-11-20

И.Х. Шонус

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Исторический опыт скаутизма в Российской империи и тимуровского движения в СССР: сравнительный анализ

В статье проводится сравнительный анализ имперской и советской моделей детского волонтерства XX в.: динамики численности, структуры, ключевых направлений и значения волонтерской деятельности на примерах скаутского и тимуровского движений. В процессе исследования автор обращает внимание на специфику организации и деятельности волонтерских объединений на разных исторических этапах развития, оценивает динамичный опыт деятельности детских объединений скаутов, пионеров и тимуровцев. Статья предназначена как специалистам в области изучения истории волонтерства, социальной работы, дополнительного образования, так и всем интересующимся историей волонтерской деятельности детей и подростков в добровольных объединениях в России в начале XX в.

Ключевые слова: история волонтерства в России в XX веке, скаутизм, тимуровское движение в СССР, социально-полезная деятельность подростков

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шонус И.Х. Исторический опыт скаутизма в Российской империи и тимуровского движения в СССР: сравнительный анализ // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 4. С. 11–20. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-4-11-20

© Шонус И.Х., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-4-11-20

I.Kh. Shonus

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

The historical experience of scouting in the Russian Empire and the Timur movement in the USSR: A comparative analysis

The article provides a comparative analysis of the imperial and Soviet models of children's volunteering in the 20th century: the dynamics of the number, structure, key areas and significance of volunteering on the examples of the Scout and Timur movements. In the process of research, the author draws attention to the specifics of the organization and activities of volunteer associations at different historical stages of development, evaluates the dynamic experience of the activity of children's associations of scouts, pioneers and Timurovites, their contribution to the development of the personnel training system. The article is intended both for specialists in the field of studying the history of volunteering, social work, additional education, and for everyone interested in the history of volunteering of children and adolescents in voluntary associations in Russia at the beginning of the 20th century.

Key words: history of volunteering in Russia in the 20th century, scouting, Timur movement in the USSR, socially useful activity of teenagers

FOR CITATION: Shonus I.Kh. The historical experience of scouting in the Russian Empire and the Timur movement in the USSR: A comparative analysis. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 4. Pp. 11–20. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-4-11-20

Когда рухнула Российская империя и вместо нее был создан Союз Советских Социалистических Республик, произошла смена всех исторических парадигм развития страны, в том числе моделей социализации подростков. Эти модели сочетали педагогическое воздействие с вовлечением в волонтерскую деятельность. Начало XX в. ознаменовалось реализацией двух принципиально разных подходов – имперского

(скаутское движение) и советского (тимуровское движение) – к практике организации социального волонтерства. Активизация интереса к использованию технологий социально-полезной активности в современной России побуждают произвести анализ и оценку данного исторического опыта.

Важно отметить, что наиболее востребованной волонтерская активность обоих движений – скаутского и тимуровского – оказалась в условиях глобальных конфликтов – Первой мировой и Великой Отечественной войн. Быстрый рост численности членства во всех связанных с движениями организациях был зафиксирован именно в условиях боевых действий, что в то же время не исключает широкого размаха волонтерства скаутов и тимуровцев в условиях мирной жизни.

Скаутское движение продемонстрировало более высокие темпы общенациональной институциональной организации. Так, I общероссийский съезд скаутов прошел в декабре 1915 г. в Петрограде, через 7 лет после появления первой скаутской организации в Российской империи. В СССР первый тимуровский отряд возник в 1940 г. Однако I всесоюзный слет тимуровцев произошел только в октябре 1973 г., тогда же и была сформирована координационная добровольческая организация тимуровства – «Всесоюзный штаб Тимура».

Показательно, что тимуровское движение задумывалось как институциональная среда для проявления подростками большей социально-полезной активности и возможностей личной самореализации, нежели это предлагалось официальными пионерскими объединениями. Были зафиксированы случаи, когда «дети, неудовлетворенные вялыми формами работы, основанными на указаниях сверху» [13, с. 78], выходили из пионерской организации. Они вступали в тимуровские команды, которые предлагали общественно-полезную деятельность, где «работа строилась по принципу самоуправления и инициативы самих ребят» [Там же].

Согласно подсчетам, только в Бурятской АССР в годы Великой Отечественной войны одновременно было зафиксировано частичное сокращение численности подростков в пионерской организации на 5 тыс. чел. и одновременно стремительный рост числа тимуровских групп. Количество «тимуровцев» составило 25 тыс. чел., что продемонстрировало трехкратный рост по сравнению с довоенным периодом [2, с. 123].

Всего же численность тимуровцев на территории РСФСР к началу войны составляла примерно 2 млн детей и подростков, а к ее завершению – уже 3 млн. По отношению к уровню численности населения РСФСР в 1941 и 1945 гг. данные показатели составляли 1,9 и 3%, а населения всего СССР – 1 и 1,8% соответственно [11, с. 96].

В свою очередь, представления о численном охвате скаутского движения в начале XX в. являются довольно размытыми – из-за разнообразия статистических данных, источниковых свидетельств публицистов и оценок исследователей. Например, Ю.В. Кудряшов, ссылаясь на свидетельства публициста А. Смирнова, указывает на численность скаутов по состоянию на осень 1917 г. в 25 тыс. чел. в составе 120 организаций [6, с. 130]. В то же время ряд современников и исследователей заявляет, что совокупная численность скаутов в 1917 г. приблизительно составляла 50 тыс. чел., рассредоточенных в учреждениях 140–150 российских городов [4, с. 134; 7, с. 162; 8, с. 46]. При этом в пропорциональном отношении к численности населения Российской империи в указанный период данный показатель составлял примерно 0,2%.

Меньший, по сравнению с тимуровским движением, численный охват вовлеченных в скаутизм детей и подростков характеризуется рядом аспектов, в числе которых:

- неоднозначное, настороженное отношение позднеимперской политической элиты к адаптируемой на основе зарубежного опыта модели волонтерско-педагогической деятельности, в отличие от тимуровства, активно поощряемого и культивируемого советским правящим режимом;
- инкорпорирование преимущественно детей и подростков мужского пола в скаутское движение; хотя с 1912 г. начали появляться первые «экспериментальные» отряды девочек-скаутов, их число было незначительным, тимуровское же движение стремилось охватить всех подростков вне зависимости от пола;
- распространенное недоверие к скаутским организациям, в том числе на национальных окраинах.

Создание скаутских организаций на национальных окраинах Российской империи встречало со стороны правящего режима как неформальное сопротивление, так и открытые запреты. Например, роспуск финского скаутского звена «Мальчики-рыцари» в 1911 г. и запрет скаутизма в Финляндском княжестве. В свою очередь, советские партийно-государственные структуры нейтрально либо позитивно относились к формированию тимуровских отрядов на территории национальных республик.

Одним из ключевых различий практик имперского скаутизма и советского тимуровства выступает определенная степень политизации идейного содержания последнего – в отличие от скаутского движения, подчеркивавшего неполитический характер своей организации. Встречаются и противоположные оценки. Так, В.Ю. Рылов полагает, что скаутское движение начало претерпевать определенный кризис перед

Первой мировой войной, поскольку «было чрезмерно казенным и часто политизированным, что отталкивало некоторую часть молодежи» [14, с. 155].

Тем не менее, в условиях глобального противостояния в Первой мировой войне предпринимались попытки использовать участников скаутизма в стимулировании патриотических настроений. Например, в популярном периодическом издании «Нива» было опубликовано воззвание 12-летней девочки-скаута: «Являюсь письменно к Государю императору, чтобы помочь чем-нибудь в это тяжелое время Царю, так что я будущая русско-подданная и много думаю про войну <...> сама хочу пойти на войну, только мама говорит, что я мала, мне только 12-й год, не возьмут, и девочка...» [цит. по: 3, с. 70].

Обе модели волонтерско-педагогической деятельности – скаутская и тимуровская – демонстрировали различные содержательные векторы работы. Скаутизм изначально представлял собой, в первую очередь, военно-спортивное и культурно-патриотическое детско-юношеское течение. Тимуровское движение выступало своеобразной «площадкой» для реализации добровольческой инициативы советских пионеров в различных направлениях социально-полезной деятельности.

В числе общих направлений волонтерских объединений, характерных как для имперской, так и для советской модели, следует отметить:

- служебно-боевое и военно-производственное волонтерство: активное участие или привлечение скаутов и тимуровцев к помощи регулярным военным частям и тылу в условиях масштабных боевых действий Первой мировой и Великой Отечественной войн;
- материально-хозяйственное волонтерство: организация бытовых условий для раненых, инвалидов и пожилых, неполных семей – добыча воды и топлива, обработка земельных участков, пожертвование личных вещей, мелкий ремонт помещений и т.д.;
- санитарно-медицинское волонтерство: дежурство при заболевших, посещение одиноких больных, сбор лекарств, участие в простейших медицинских процедурах в качестве вспомогательного персонала, различная помощь имобилизованным пациентам и др.;
- культурно-просветительское волонтерство: репетиторство или помощь в учебе детям фронтовиков, доставка корреспонденции, чтение информационных материалов (писем, газет, заметок) для инвалидов и пожилых, организация кружков, проведение концертов и спектаклей, изготовление иллюстративных материалов, плакатов, стенгазет и др.;
- спасательно-поисковое волонтерство: обследование заброшенных или разрушенных помещений в поисках потерявшихся детей, разбор

завалов (вызванных ветхостью здания или в результате военных действий), поиск уцелевших помещений в зданиях для временного размещения пострадавших от бомбежек или стихийных бедствий и др.

Нацеленность обеих моделей на осуществление последовательной волонтерской работы подкреплялась идеологическим мотивом, аккумулирующим духовно-нравственные ценности. Так, «отец-основатель» русского скаутизма полковник О.И. Пантюхов раскрывал цели и содержание деятельности скаутов следующим образом: «Помочь чем можешь, услужить каждому нуждающемуся – это не только обязанность, но и искренне желание каждого хорошего скаута»¹.

Технологиями художественной образности были популяризированы мотивы, которыми были движимы ребята тимуровского движения. Как отмечают исследователи, «герой книги [А. Гайдара] Тимур придумал чудесную форму помощи... Он со сверстниками окружал большой заботой тех, кого должны были оставить отцы и братья, ушедшие в армию... Тимур стал образцом, на который хотели равняться, которому решили подражать миллионы ребят, как только познакомились с повестью “Тимур и его команда”» [5, с. 213].

Можно назвать следующие распространенные формы волонтерской активности участников скаутизма и тимуровства.

1. Коллективное шефство: организация скаутским/тимуровским отрядом группового участия в работе какой-либо социальной организации – школы, сиротского приюта, военного госпиталя, богадельни или дома престарелых. Наиболее распространенной практикой было принятие скаутскими или тимуровскими командами шефства над госпиталями и медпунктами для раненых военнослужащих в период военных действий, в мирное время своего рода тьюторство – шефство над учебными заведениями.

2. Индивидуальный волонтерский проект: участие отдельных представителей движений в организации или непосредственном проведении волонтерской работы. Вместе с тем, в тимуровском движении такая форма было отмечена специализацией волонтерской занятости участников. «У каждого тимуровца команды было свое дело. Дина Бобруйская была редактором стенной газеты, Света Семенова — библиотекарь. Мы сами собрали библиотеку, в ней было около 80 книг. Юра Кулаков, Валя Легченко и другие старшие ребята помогали семьям фронтовиков и инвалидам Отечественной войны подготовить к зиме квартиры» [1, с. 64].

¹ Пантюхов О.И. Бой-скауты. СПб., 1914. С. 34.

3. Информационное сопровождение волонтерства: подготовка и распространение материалов, направленных на информационное освещение состояния, проблем и перспектив развития волонтерской работы усилиями детских добровольческих движений. Наиболее распространенной практикой стало направление писем участников скаутского и тимуровского движений в периодическую печать с описанием деятельности, с призывом к другим детям и подросткам к посильному участию в добровольческих акциях. Так, с 1910 г. действовала колонка «Юный разведчик» в журнале «Ученик» В.Г. Яна (Янчевецкого). В Царстве Польском с 1913 г. издавался журнал «Скаут», вскоре закрытый из-за националистической и антирусской позиции его издателей [12, с. 6, 14]. В период Великой Отечественной войны наблюдался поток писем тимуровцев в периодическую печать с предложением добровольческих инициатив либо с воззваниями к сверстникам.

4. Материально-ресурсное благотворительное участие: сбор материальных ценностей и ресурсов для адресной помощи либо реализации проектов других волонтерских организаций и структур. При этом сбор средств и ресурсов предназначался как для поддержки отдельных лиц и малоимущих семей, так и для масштабных проектов, например, сбор денег и ценностей тимуровцами в Фонд обороны СССР в 1941–1945 гг., взносы для производства танковых колонн.

Тем не менее, в реализации одной из моделей – тимуровского движения, во второй половине 1970-х – 1980-х гг. стали проявляться признаки снижения качества мотивации участников волонтерской деятельности. Нематериальные альтруистические стимулы в указанный период проявлялись только у части волонтеров-тимуровцев, что в определенной мере негативно сказывалось на успехах советского волонтерства. «Основной мотивацией школьников и студентов в добровольческой деятельности было не желание помочь государству, а возможности карьерного роста, поступления в престижные учебные заведения и прочие льготы, предоставляемые активистам коммунистических организаций» [10, с. 93].

В начале 1970-х гг. была предпринята попытка дать «вторую жизнь» тимуровскому движению. Это отразилось и на количественных показателях. По подсчетам активиста ВЛКСМ и главы Штаба Тимура, в указанный период в рядах тимуровцев состояло 5 млн чел. [15, с. 60]. Однако, в отличие от энтузиазма военного времени и послевоенного десятилетия середины 1940 – середины 1950-х гг., охват движением осуществлялся не на основе подростковой инициативы и энтузиазма, а отчасти административно-принудительными методами, что дискредитировало саму идею тимуровства как таковую.

Что касается скаутского движения, то в условиях Первой мировой войны, а затем начала Гражданской войны, движение в значительной степени милитаризировалось. Как следствие, это вызывало негативную оценку опыта скаутизма в советской общественно-педагогической мысли 1920–1930-х гг. Так, согласно размытой оценке советских публицистов, «из 50 тыс. русских скаутов добрая половина ушла в белогвардейские отряды»².

Настороженная позиция и негативные оценки скаутского движения имели определенные основания, поскольку возникавшие в 1917–1920 гг. административные структуры «белых» правительств предпринимали попытки (разной степени успешности) организации на основе местных скаутских организаций партизанско-диверсионных подразделений для действия на прифронтовых территориях.

В то же время рядом революционных деятелей опыт скаутизма был оценен позитивно. Так, С.П. Разумов (Тарханов), скаутмастер в дореволюционный период, боролся за привлечение революционных скаутмастеров к сотрудничеству с комсомолом [6], в том числе и к участию в осуществлении волонтерской активности.

Усиление внимания к изучению практики, успехов и вызовов в реализации обеих моделей обозначило повестку дальнейшего развития волонтерской работы. Творческое осмысление исторического опыта скаутизма и тимуровства, социокультурная адаптация и интеграция опыта этих волонтерских движений подразумевают совершенствование практики волонтерства как перспективного пути реализации гражданского общества в России, повышения уровня и качества жизни ее населения. Неоднократные попытки возрождения скаутского и тимуровского движения в постсоветский период подтверждают актуальность синтеза достижений обеих моделей, необходимость выработки и реализации комплексного участия подобных детско-юношеских течений в волонтерской деятельности.

Библиографический список / References

1. Алещенко Н.М. Во имя победы. М., 1985. [Aleshchenko N.M. Vo imya pobyedy [In the name of victory]. Moscow, 1985.]
2. Балакирев А.Н. Тимуровцы: маленькие волонтеры великой войны // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 7. С. 19–23. [Balakirev A.N. Timurovtsy: Little volunteers of the Great War. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. No. 7. Pp. 19–23. (In Rus.)]

² Пионерская правда. 1932. № 060 (1075). С. 2.

3. Гуманизм и патриотизм как факторы консолидации российского общества в годы Первой мировой войны / Демидова Е.И., Наумов С.Ю., Захаров А.В., Ефимова Е.А. // *Власть*. 2018. Т. 26. № 4. С. 64–72. [Demidova E.I., Naumov S.Yu., Zaharov A.V., Efimova E.A. Humanism and patriotism as factors in the consolidation of Russian society during the First World War. *Vlast*. 2018. Vol. 26. No. 4. Pp. 64–72. (In Rus.)]
4. Зотов В.С. Из истории скаутского движения в России. 1909–1926 года (воспоминания и размышления) // Сборник исторических очерков основателей скаутского движения и участников событий / Сост. и общ. ред.: В.Л. Кучин, В.И. Несеверя. М., 1998. С. 69–216. [Zotov V.S. From the history of the scout movement in Russia. 1909–1926 (memoirs and reflections). *Sbornik istoricheskikh ocherkov osnovatelej skautskogo dvizheniya i uchastnikov sobytij*. V.L. Kuchin, V.I. Nesevrya (eds.). Moscow, 1998. Pp. 69–216. (In Rus.)]
5. Козлова И.А., Мандрук И.В., Шишлова Н.В. Роль художественного текста в процессе освоения категории «добровольчество» // *Добровольчество в современном мире: нравственный идеал нашего времени* / Отв. ред. С.И. Беленцов. Курск, 2016. С. 309–312. [Kozlova I.A., Mandruk I.V., Shishlova N.V. The role of the literary text in the process of mastering the category of “volunteering”. *Dobrovolchestvo v sovremennom mire: нравstvennyj ideal nashego vremeni*. S.I. Belencov (ed.). Kursk, 2016. Pp. 309–312. (In Rus.)]
6. Кудинов В.А. История детского и юношеского движения в России. Кострома, 2017. [Kudinov V.A. *Istoriya detskogo i yunosheskogo dvizheniya v Rossii* [History of children’s and youth movement in Russia]. Kostroma, 2017.]
7. Кудинов В.А. Периодизация скаутского движения // *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2009. Т. 15. № 3. С. 157–163. [Kudinov V.A. Periodization of the Scout Movement. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2009. Vol. 15. No. 3. Pp. 157–163. (In Rus.)]
8. Кудинов В.А., Ярмольчук А.В. История скаутского движения в России в XX веке. М., 2004. [Kudinov V.A., Yarmolchuk A.V. *Istoriya skautskogo dvizheniya v Rossii v XX veke* [The history of the scout movement in Russia in the XX century]. Moscow, 2004.]
9. Кудряшов Ю.В. Российское скаутское движение: исторический очерк. Архангельск, 1997. [Kudryashov Yu.V. *Rossijskoe skautskoe dvizhenie: istoricheskij ocherk* [Russian scout movement: Historical outline]. Arhangelsk, 1997.]
10. Молодежь в действии / Сост. Е.А. Панова. М., 2001. [Molodezh v dejstvii [Youth in action]. E.A. Panova (ed.). Moscow, 2001.]
11. Новикова Н.А. Тимуровское движение как одна из форм волонтерской деятельности в годы Великой Отечественной войны и сегодня // 70 лет со Дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Смоленск, 2015. С. 95–99. [Novikova N.A. Timur movement as one of the forms of volunteer activity during the Great Patriotic War and today. *70 let so Dnya Pobedy sovetskogo naroda v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 godov*. Smolensk, 2015. Pp. 95–99. (In Rus.)]
12. Полчанинов Р.В. Справочник по истории ОРОЮР (Организации российских юных разведчиков). М., 2017. [Polchaninov R.V. *Spravochnik po istorii*

- ORYUR (Organizacii rossijskihyunyh razvedchikov) [A guide to the history of Organization of Russian Young Pathfinders]. Moscow, 2017.]
13. Родионов Д.А., Замураева М.А. Тимуровцы как становление волонтерского движения в России // Народ и война. Исторические уроки для современности. Н. Новгород, 2018. С. 76–80. [Rodionov D.A., Zamuraeva M.A. Timurovtsy as the formation of a volunteer movement in Russia. *Narod i vojna. Istoricheskie uroki dlya sovremennosti*. Nizhny Novgorod. 2018. Pp. 76–80. (In Rus.)]
 14. Рылов В.Ю. Патриотические и военно-спортивные организации в общественно-политической жизни России начала XX века // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 7 (78). Вып. 14. С. 150–158. [Rylov V.Yu. Patriotic and military sports organizations in the social and political life of Russia at the beginning of the 20th century. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*. 2010. No. 7 (78). Vol. 14. Pp. 150–158. (In Rus.)]
 15. Третьяков А.В. Добровольческое движение в Курской области в конце XX – начале XXI вв. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 1 (49). С. 59–68. [Tretyakov A.V. Volunteer movement in the Kursk region in the late XX – early XXI centuries. *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurckogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019. No. 1 (49). Pp. 59–68. (In Rus.)]

Статья поступила в редакцию 17.08.2021, принята к публикации 01.10.2021
The article was received on 17.08.2021, accepted for publication 01.10.2021

Сведения об авторе / About the author

Шонус Иван Харлампиевич – проректор по социальной работе и комплексной безопасности, Московский педагогический государственный университет

Ivan Kh. Shonus – vice-rector for social work and integrated security, Moscow Pedagogical State University

E-mail: ih.shonus@mpgu.su